

ПРОЛОГ

КОНЕЦ ЛЕТА

Днем этот квартал города словно вымирал, улицы были пустынно. Металлические двери были заперты, витрины скрыты за решетками и жалюзи, а неоновые рекламы выглядели мрачно и неприглядно. И только мусор, не замеченный службой уборки после минувшей ночи, рассказывал кое-что о втором лице этого района: поспешно наклеенные и тут же сорванные плакаты и флаеры лежали теперь, украшенные отпечатками обуви, в сточной канаве. Если присмотреться повнимательнее, то можно заметить и другие предательские следы — вроде сломанного каблучка или скомканной бумажки с номером телефона.

И только в сумерках хитросплетение улиц, подобно ночному цветку, раскрывалось во всем своем великолепии. Внезапно перед входами появлялись пальмы в горшках, а светящиеся трубочки рекламных щитов с негромким жужжанием загорались и окутывали витрины ярким светом. Перед барами выставляли столы и стулья, чтобы успеть захватить ускользающее тепло. Небольшие бистро, которые могли предложить в лучшем случае шесть столиков, распахивали двери только сейчас, но зато оставляли их открытыми до поздней ночи. Включались музыкальные автоматы, и самые разные

мелодии и ритмы сливались в неповторимый звуковой фон: звуки многообещающей ночи.

Чем дальше, тем все больше наполнялись улицы и тротуары, пока уже было невозможно пройти. Хотя жители города обычно крайне неохотно находились вне помещения, сейчас они в отличном настроении просто стояли перед кафе и ресторанами, если внутри уже не было мест. Автомобили продвигались в лучшем случае со скоростью пешехода, а любому гуляке, пожелавшему сменить место, приходилось протискиваться сквозь множество тел. Некоторые гуляющие стояли небольшими группками и болтали, другие просто смотрели по сторонам. Жители заполнили улицы, но это, казалось, никому не мешало. Ночные бабочки тоже не скучали: то бросят презрительный взгляд, то подарят милую улыбку. Казалось, все хорошо понимали, что этой ночью с ними прощается лето. Ветер посвежел и хотя еще ласково касался оголенных рук и ног, но в нем уже чувствовались первые признаки прохлады и опадающей листвы. Похоже, все хотели в последний раз воспользоваться возможностью покрасоваться загорелыми плечами и отдаться на волю чувства, которое вызывает отступающая жара: приятное изнеможение в сочетании со странным щекочущим ощущением обещания приятных возможностей.

Все больше и больше людей, привлеченных светом и музыкой, забредало в этот квартал. Необычное состояние для этого города, часто казавшегося вымершим. Даже в самые отдаленные боковые улочки проникала атмосфера веселья. Ветер носил голоса и обрывки музыкальных фраз, а асфальт дрожал от басовых и барабанов. Любовную парочку не отпугнул даже затхлый запах, задержавшийся, несмотря на многонедельную жару, меж-

ду стоящими вплотную домами. Обнявшись, полностью поглощенные игрой, они удалились в переулок, подальше от любопытных глаз.

Парочка, тихонько переговариваясь, скрылась в темноте. На женщине был красный шелковый платок, резко контрастировавший со скорее неброской одеждой, и мужчина попытался стянуть его, чтобы пройтись по ее шее губами. Женщина с наслаждением запрокинула голову и уже хотела было закрыть глаза, как вдруг заметила что-то необычное: из темноты совершенно бесшумно появился силуэт сильного хищного зверя. Зверь прыгнул и напряг мускулы, готовясь к прыжку, к атаке. Но вдруг застыл и повернул массивную голову, словно услышав зов.

Когда женщина наконец издала спасительный вопль, тень уже, словно безумная, мчалась за угол.

ГЛАВА 1

МАНЯЩИЕ ТЕНИ

Ее губы впитали сладость коктейля, и хотя Мета пыталась незаметно облизнуть их, она упрямо сохранялась. Когда Мета проводила кончиком языка по губам, они казались очень гладкими. Засахаренные фрукты гораздо лучше любой сладости, предложенной в меню небольшого ресторана.

Мета негромко рассмеялась и в следующий миг осторожно прикрыла рот ладонью. Если кто-то из подруг заметит, что она в достаточной степени под хмельком, чтобы глупо хихикать, то недолго думая посадит ее в следующее же такси. Однако ехать домой в одиночестве — это было последнее, о чем мечтала Мета в этот вечер. Нет, она хочет остаться здесь, наблюдать за флиртующими людьми и пить коктейли.

Уже само по себе было странно то, что эти неразлучные, словно четырехлистник клевера, девушки из высшего общества очутились именно в тапас-баре. На выкрашенных красной краской стенах были нарисованы кактусы, очертания которых казались обведенными лучами солнца. Кто бы ни создал подобное произведение искусства, он точно знал, что делает. Но это мнение Мета благоразумно оставила при себе, потому что три другие женщины смирились с этой в общем-то вполне приличной обстановкой

только после нескольких бокалов вина. Не особенно способствовало этому и то, что остальные посетители не стесняясь рассматривали богато одетых подруг. Или то, что все насмешливо посматривали на женщин, очень прямо сидевших на деревянных стульях и отправлявших еду назад, даже не притронувшись к ней. Не то чтобы они придирались к имевшемуся в тапас-баре выбору — он был просто-напросто убийствен для стройных фигур.

Открытие галереи, на котором побывали четыре женщины до этого, оказалось до ужаса утомительным. Да и что можно было понять по выставленным работам — пирамидам маленьких голубеньких коробочек из плексигласа с разлагающимися объектами внутри, которые наверняка в скором времени начнут неприятно пахнуть? То, что гости, тем не менее, пришли и после нескольких бокалов шампанского уже не особенно переживали по поводу этих странных произведений искусства, наверняка было связано с расположением новой галереи: она открылась в сердце самого оживленного квартала города. Пара, руководившая галереей и сама занимавшаяся искусством, поздравила себя с этой идеей, потому что теперь не стоило переживать по поводу того, что выставочные залы открывались только в сумерках, — раньше все равно никто не придет.

Четыре женщины поперекикивались через громкую музыку со всеми важными гостями и решили спастись бегством в один из небольших ресторанов на этой же улице. При этом посещение тапас-бара выглядело как открытие новых земель и показало Мете, насколько сильно за последние несколько лет они превратились в снобов. Она поймала себя на том, что критически осматривает деревянный стул, прежде чем присесть. Ночи, когда они